

УДК 82.09

Ветрова М.В.

**ЭМИГРАНТСКАЯ КРИТИКА О ДУХОВНЫХ ОСНОВАХ
ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ***Ветрова М.В. Эмигрантская критика о духовных основах литературы русского Зарубежья**В статье представлен обзор мнений эмигрантских критиков о духовных основах литературы русского Зарубежья.**Ключевые слова:* эмигрантская критика, литература русского Зарубежья, духовные основы литературы*Ветрова М.В. Емігрантська критика про духовні засади літератури російського Зарубіжжя**У статті представлено огляд думок емігрантських критиків про духовні засади літератури російського Зарубіжжя.**Ключові слова:* емігрантська критика, література російського Зарубіжжя, духовні засади літератури*Vetrova M. V. The criticism of emigration about religious foundations of russian literature abroad**The paper is dedicated to reviewing the opinions of russian emigrant critics on religious foundations of literature of russian emigration.**Key words:* criticism of emigration, russian literature abroad, religious foundations of literature

Актуальность. Уже два десятилетия феномен литературы русского Зарубежья неизменно остается в центре внимания отечественного литературоведения. Появилось множество исследований, посвященных как творчеству отдельных писателей, так и анализу процессов, происходивших в эмигрантской литературе в целом. Одной из самых актуальных проблем является определение духовных основ литературы русского Зарубежья. Наиболее обстоятельные работы в этой области принадлежат А. М. Любомудрову, Е. А. Осьмининой, Е. В. Воропаевой и др. Тем не менее, некоторые аспекты проблемы, в частности осмысление духовных основ литературы эмиграции критиками Зарубежья, остаются в настоящее время малоизученными.

Цель данной статьи - исследовать и охарактеризовать взгляды эмигрантских критиков на духовные основы литературы русского Зарубежья.

Данная цель предполагает следующие задачи:

- рассмотреть возможно больший спектр мнений, высказанных эмигрантской критикой по исследуемому вопросу;

- определить важнейшие, в понимании критиков, духовные основы литературы Зарубежья.

Постановка проблемы. Попытки осмысления духовных основ эмигрантской литературы появляются в публицистике и критике Зарубежья уже в первые годы пребывания на чужбине, наряду с важнейшей темой тех лет - определением миссии эмиграции. В 30-е годы многие критики Зарубежья выступают со статьями, посвященными обзору эмигрантской литературы и смыслу ее существования. Перечислим некоторые из этих статей: «Литература в изгнании» (1933) В.Ф. Ходасевича, «Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы» (1935) Ф.А. Степуна, «О современной эмигрантской поэзии» (1935) М.О. Цетлина, «О положении эмигрантской литературы» (1936) М.А. Алданова, «Русская литература в эмиграции» (1939) А.Л. Бема и др. Проанализировав названные работы, можно выделить важнейшие, в понимании критиков Зарубежья, основы литературы эмиграции:

- продолжение традиций русской классики, опора на «вечные ценности», воспетые ею: «весь смысл эмигрантского служения, эмигрантской памяти о России, заключается в восстановлении той традиции русской культуры, которая была прервана революцией» [15, с.257];

- возобновление характерных особенностей культурной жизни Серебряного века, одна из них - напряженность духовных исканий творческой интеллигенции: «в предреволюционной России <...> была атмосфера соблазна», в которой «работали и творили, за немногими исключениями, почти все философствующие публицисты и поэты того времени, из коих некоторые продолжают свое дело и поныне в эмиграции» [9, с. 180];

- теснейшая связь литературы с трагедией революции и Гражданской войны: «эмигрантской литературе решительно нечем духовно жить, кроме как процессом творческого преодоления большевизма» [15, с.252];

- обращение части писателей к христианству: «Литература эмиграции выросла на почве христианской культуры. Для нее слова: Бог, человек, душа, бессмертие - что-то значат» [5, с.121].

Эта последняя особенность - наметившаяся в русском Зарубежье тенденция к сближению литературы с христианством, ее возвращению к православным ценностям - является, на наш взгляд, главной.

Один из крупнейших критиков эмиграции, Г.В. Адамович, в известной статье «Одиночество и свобода» (1954) пишет: «эмигрантская литература сделала свое дело потому, что осталась литературой христианской». В то же время автор не придает «этому слову никакого «конфессионального» оттенка», говоря «лишь о характере и общем источнике вдохновения». Завершая свою мысль, критик утверждает: «Ликвидация христианства, торопливое замазывание великой брешы, «великого смущения», внесенного в развитие мировой культуры христианством, - вот с чем в конце концов и в последнем счете не могли мы здесь примириться» [2]. Как видим, хотя Адамович и признает следование христианским ценностям одним из «столпов» литературы русского Зарубежья, но понятие «христианский» употребляет в культурологическом, а не в богословском значении.

В творчестве некоторых писателей Зарубежья христианская основа была столь очевидна, что критики не могли обойти ее вниманием. Крупнейшими из этих художников являются, безусловно, И.С. Шмелев и Б.К. Зайцев; следует назвать также В.А. Никифорова-Волгина, Л.Ф. Зурова, среди поэтов - С.С. Бехтеева.

Художественные достижения Шмелева и Зайцева на пути воцерковления литературы многократно отмечались исследователями. В статье «Религиозные темы в творчестве Б. К. Зайцева» (1952) В. В. Зеньковский указал, что в деле возвращения культуры в Церковь писатель сделал «очень много, ибо даже частичная победа в данном направлении есть важный этап в осуществлении трудной, но нужнейшей задачи искусства» [цит. по 12, с. 114]. Георгий Адамович в статье, посвященной Зайцеву, в свою очередь, отметил, что «толковать о духовном творчестве в эмиграции» возможно «лишь благодаря таким писателям, как он» [1, с.457]. Шмелева называли «бытописателем русского благочестия», у которого был дар «продолжить дело заветное Пушкина, Гоголя, Достоевского - показать смиренно-сокровенную православную Русь, душу русскую, Божиим перстом запечатленную» [14, с.460].

Идея о необходимости и возможности приближения литературы к Церкви, несомненно, имела немало сторонников среди писателей-эмигрантов. Борис Зайцев, который был еще и внимательным критиком, в 1925 году делает в дневнике запись о прочитанной им статье-некрологе К. Нльцовой о князе Львове. Писатель, в свойственной ему импрессионистической манере, отмечает «высокий» воздух», пишет о впечатлении, производимом ею: «На всем писании Ельцовой - налет монашеского. Чисто, благообразно и «келейно». Очень облегчает душу». Такое творчество, по мысли Зайцева, - «это даже борьба. <...> наша большая задача - просто показывать добро настоящее» [6, С.41]. Подмеченные писателем черты близки и его собственным произведениям. Статья Ельцовой, безусловно, находится в одном русле с творчеством Зайцева, даже вопрос о посмертной участи князя Львова звучит очень по-зайцевски: «Кончились страшные воспоминания, боль совершившегося и тоска по родине. Узнал ли он теперь неведомые пути своей Родины и истинное ее будущее в своем Отечестве небесном?» [цит. по 10].

Но наряду с критиками, отстаивавшими христианские основы эмигрантской литературы, были и такие, кто находил совсем иные истоки и смыслы в творчестве писателей-эмигрантов. Такие попытки были совсем не беспочвенны: от эпохи Серебряного века культура Зарубежья наследовала напряженность и неоднородность духовных исканий творческой интеллигенции. Подавляющее большинство писателей предпочитало искать истину вне Церкви. Спектр их религиозных воззрений был весьма широк.

В статье «Оккультные мотивы в русской поэзии» (1953) Д. Кленовский относит целый ряд крупнейших русских поэтов - Н. Гумилева, М. Волошина, из эмигрантов - В. Ходасевича и А. Белого - к оккультистам, находит следы антропософских идей в образном строе их стихотворений. Увлечение А. Белого и М. Волошина антропософией не подлежит сомнению, но трактовка творчества Н. Гумилева и В. Ходасевича в духе оккультизма, видимо, была сделана Д. Кленовским впервые. Проблема, поставленная автором статьи, в эмигрантской критике популярностью не пользовалась. Между тем, по утверждению Д. Кленовского. «говорить о русской поэзии нашего века, игнорируя то влияние, какое оказал на нее оккультизм, - значит просмотреть чрезвычайно интересную и значительную ее особенность» [11]. Это замечание представляется справедливым. Однако, стремясь «полноценно воспринять» лучшие стихи В. Ходасевича, автор статьи весьма неубедительно трактует образы поэта в антропософском ключе. Так, объясняя первую строку стихотворения «Ласточки» - «Имей глаза - сквозь день увидишь ночь», - Кленовский пишет: «свет, излучаемый небесными телами, в частности, нашим солнцем, есть лишь физическая видимость тех или иных духовных процессов, и воспринимается только нашим физическим зрением, <...> Именно к тому, чтобы сквозь физическое и вопреки ему узреть духовное, и призывает нас Ходасевич в своем стихотворении» [11].

Но в стремлении сквозь физическое узреть духовное нет ничего специфически оккультного, это признак идеалистического мировоззрения вообще.

Слишком субъективные оценки были нередки в работах критиков, поскольку далеко не все обладали «духовной и религиозной углубленностью» [13, с.273], о которой писал И.А. Ильин. Философ считал эти качества необходимыми для исследователей словесного творчества, поскольку «корни всякого подлинного, полноценного искусства - в том числе и литературы <...> - неизбежно духовно-религиозные» [13, с.272].

Сам И.А. Ильин придавал большое значение проблемам искусства, осмыслению природы творчества. В трактате «Основы художества. О совершенном в искусстве» (1937) им была разработана целостная эстетическая концепция, опираясь на которую, Ильин создал «книгу художественной критики» «О тьме и просветлении», посвященную творчеству И. Бунина, А. Ремизова, И. Шмелева. Перу Ильина-критика принадлежит также ряд статей и лекций о русских писателях.

Вместе с тем, литература русского Зарубежья как единое целое не стала предметом исследований Ильина. Философ подробно проанализировал творчество четырех крупнейших писателей эмиграции (помимо трех названных, Д. С. Мережковского), но из своих наблюдений не стал делать заключений о тех или иных тенденциях, характерных для эмигрантской литературы в целом.

Детальное изучение произведений четырех авторов позволило Ильину сделать следующие выводы о духовных основах их творчества: «За исключением нескольких мастерских и прелестных набросков, как бы выхваченных из записной книжки, все остальное искусство Бунина по существу своему *до-духовно* (курсив автора. - М. В.). < ... > [Он] остался верен естественному, свободному инстинкту» [7, с.220-221]. Бог у Бунина «это «бог» страшный, темный, загадочный, причастный началу язычески-инстинктивному» [7, с.263-264].

«А. М. Ремизов - поэт муки, страха и жалости. <...> Искренность и глубина этих состояний дают его творчеству силу, мудрость и бытие. Но здесь нет исхода, нет пути к победе; здесь та ветхозаветная и в то же время языческая, мифическая, магическая, колдовская и сказочная до-исторически-первобытная «сень смертная», где Христос еще не воскрес» [7, с.333].

Вопреки своему первоначальному замыслу, главу о Мережковском Ильин не стал включать в книгу «О тьме и просветлении», однако посвятил творчеству писателя лекцию, в которой отметил, что «Мережковский был один из первых, если не просто первый, который провозгласил, что грядет второй апокалиптический Христос, который создаст новую церковь; что «церковь грядущего есть Церковь *Плоти святой* (курсив Ильина. - М. В.) и Духа Святого» [9, с. 180]. Творчество же Мережковского в целом - это «атмосфера большого искусства и большой мистики; некое духовное болото, испаряющее соблазн и смуту» [9, с. 198].

В отличие от трех вышеперечисленных писателей, Шмелев, по мнению Ильина, является подлинно русским и подлинно православным художником, владеющим, к тому же, «истинным литературным мастерством» [4, с.344]: «основным актом своим Шмелев пребывает в великой традиции *русского искусства* <...> и больше еще: в традиции *православного христианства* (курсив Ильина. - М. В.) [7, с.359]. Творчество Шмелева является для философа залогом того, что «русская интеллигенция учится и научится произносить их [слова «Святая Русь»] иначе - с глубоким чувством, цельно и искренно» [7, с.388].

Однако Бориса Зайцева, тоже воспевającego «Россию Святой Руси», Ильин недолюбливал и не создал ни одной работы, посвященной творчеству писателя. Подтверждение этому мы находим, в частности, в «Переписке двух Иванов» - Ильина и Шмелева. В одном из писем философ относит Б. Зайцева к тем, кто многое сделал «*против России и Церкви*» (курсив Ильина. - М. В.) [8, с. 112]. В ответном письме Шмелев выступил в защиту собрата по перу, отмечая безосновательные обвинения: «Зайцев Борис - **ничем** и **никак себя не замарал**» (курсив Шмелева. - М. В.) [8, с.114].

Следует отметить, что единства мнений в определении духовных основ литературы Зарубежья у эмигрантских критиков не было. Высказывались порой диаметрально противоположные точки зрения. Так, в статье о Шмелеве Г. Адамовича представлен иной, совершенно отличный от выводов Ильина взгляд на произведения писателя. Адамович, отдавая дань таланту Шмелева, тем не менее, подвергает критике «идеал» его творчества, называет «основной образ, заложенный в нем» «узким и реакционным», а «поэтому и антиморальным» [3].

В послевоенные годы и последующие десятилетия появляются интересные работы, в которых обзор литературы эмиграции 1-ой волны дается уже с некоторой временной дистанции. В 1956 году вышла в свет книга профессора Глеба Струве «Русская литература в изгнании». Это был первый опыт создания объективной картины литературной жизни эмиграции. Наряду с другими особенностями творчества писателей Зарубежья, автор, ссылаясь на пример Б.К. Зайцева, отмечает «общую пореволюционную судьбу когда-то религиозно-равнодушной интеллигенции» - ее возвращение в Церковь [16, с.104].

Своеобразным подведением итогов можно считать сборник статей «Русская литература в эмиграции», изданном в 1972 году под редакцией Н.П. Полторацкого. В книге представлены работы широкого круга авторов, освещающие литературную жизнь эмиграции во всем ее многообразии. Подробно рассматриваются проза, поэзия, критика, издательское дело. Во многих статьях сборника содержатся весьма верные и ценные замечания о духовных основах литературы Зарубежья. Например, Н. Андреев подчеркивает соответствие между «высоким и несомненно идеалистическим духом зарубежной русской поэзии» и «религиозным оптимизмом и высокой гуманностью философских концепций, процветавших в русской мысли за рубежом» [4, с.23].

С возвращением наследия эмиграции на Родину изучение духовных основ литературы Зарубежья продолжилось уже российскими учеными.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Большинство эмигрантских критиков рассматривало проблему определения духовных основ литературы Зарубежья как первоочередную задачу. По этому вопросу было высказано множество мнений порой диаметрально противоположных.

2. Можно выделить важнейшие, в понимании критиков Зарубежья, основы литературы эмиграции: продолжение традиций русской классики и Серебряного века, теснейшая связь литературы с трагедией революции и Гражданской войны, обращение части писателей к христианству и тенденция к воцерковлению литературы.

Источники и литература

1. Адамович Р. В. Борис Зайцев // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: Т. 7 [доп.]. Святая Русь. - М.: Русская книга, 2000. - 528 с.
2. Адамович Г. В. Одиночество и свобода. - <http://imho-news.ru/virshi/old/texts/adamovich/articles/odinochestvo.html>.
3. Адамович Г. В. Шмелев. - <http://kritika.nm.ru/texts/adamovich.html>
4. Андреев Н. Е. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом // Русская литература в эмиграции. Сборник статей под редакцией Н. П. Полторацкого. - Питебург, 1972. - С. 15-38.
5. Зайцев Б. К. Дела литературные // Собрание сочинений: Т. 9 [доп.]. Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. - М.: Русская книга, 2000. - С. 119-124.
6. Зайцев Б. К. Странник // Собрание сочинений: Т. 9 [доп.]. Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. - М.: Русская книга, 2000. - С.40-90.
7. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин - Ремизов - Шмелев // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6: Кн. 1. - М.: Русская книга, 1996. - 560 с.
8. Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1947 - 1950). - М.: Русская книга, 2000. - 528 с.
9. Ильин И. А. Творчество Мережковского // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6: Кн. 2. - М.: Русская книга, 1996.-С. 168- 198.
10. Иоффе Г. Русский либерал. Премьер-министр Временного правительства- князь Львов. - <http://www.nkj.ru/archive/articles/5266/>
11. Кленовский Д. И. Окультурные мотивы в русской поэзии нашего века. - <http://www.soglasiye.ru/library/works/109>.
12. Любомудром А. М. Духовный реализм к литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев. И. С. Шмелев. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2003, - 272 с.
13. Полторацкий Н. П. Русские зарубежные писатели в литературно-философской критике И. А. Ильина // Русская литература в эмиграции. Сборник статей под редакцией Н. П. Полторацкого. - Питебург, 1972. -С 271-287.
14. Серафим, архиепископ Чикагский и Детройтский. Бытописатель русского благочестия // Шмелев И.С. Душа Родины: Избранная проза. - М.: Паломник, 2000. - С. 457-464.
15. Степун Ф. А. Пореволуционное сознание и задача эмигрантской литературы // Критика русского Зарубежья. Т. 1 - М.: Олимп; АСТ, 2002. - С. 245-263.
16. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 2-е изд. - Paris: YMCA-Press, 1984. -427с.

Поступила в редакцию 20.07.2007 г.